

трактуются даже в разных разделах: так, в «Истории СССР» о ереси говорится в разделе о классовой борьбе, об Иосифе и Ниле — в разделе «Церковь»; в вузовском учебнике и академическом курсе «Истории русской литературы» Иосиф Волоцкий и Нил Сорский попали в главу «Московская литература (публицистика)», еретики — в главу «Литература Новгорода».⁹⁸ Такое же разделение мы наблюдаем и в монографии И. У. Будовница: о еретиках автор повествует в главе «Стригольники и жидовствующие», об Иосифе и Ниле — в главе «Стяжатели и нестяжатели», и никакой органической связи между этими главами не обнаруживается.⁹⁹ Сугубо механически соединены оба вопроса и в заключительной части монографии. Возражая П. Н. Милюкову, считавшему идеи Нила Сорского «преждевременными» для России XVI в., И. У. Будовниц напоминает о «живучести» этих идей в XVI в., а в следующем абзаце пишет: «Исключительную живучесть обнаружили и русские ереси, которых официальная церковь, обладавшая столь могучими средствами борьбы, так и не смогла раздавить».¹⁰⁰

В решении фактических вопросов, связанных с историей идеологических движений конца XV—начала XVI в., советские исследователи в основном следуют дореволюционным авторам. Большинство исследователей (за исключением только Б. А. Рыбакова и А. А. Зимина) считает Иосифа Волоцкого на всем протяжении его деятельности борцом «с областным сепаратизмом за полную победу самодержавия»;¹⁰¹ «политическая линия Иосифа Волоцкого», по мнению И. У. Будовница, «несомненно, имела прогрессивное значение и куда более соответствовала новому положению объединенного государства, чем консервативный гуманизм, если можно так выразиться, заволжских старцев».¹⁰² Нил Сорский рассматривается как представитель оппозиционного направления, которого «роднит с еретиками» требование «критического подхода к писанию»; характерной чертой его идеологии считается терпимость по отношению к еретикам.¹⁰³ К традиционному представлению о близости Нила и его ученика Вассиана к еретикам (во всяком случае к некоторым из них) примыкает и А. А. Зимин.¹⁰⁴ Историки философии усматривают в мировоззрении Нила «рационалистическую тенденцию» в соединении с мистикой.¹⁰⁵

Мы уже знаем, что оценка идеологических движений Московской Руси была у дореволюционных исследователей тесно связана с их общими концепциями. Для либеральных авторов второй половины XIX в. иосифляне были «консерваторами», а нестяжатели — «либералами»; сочувствуя обычно последним, историки и публицисты тем не менее считали их деятельность в древней Руси фатально обреченной на неудачу. В работах конца XIX—начала XX в. публицистический подтекст ощущается не так заметно, но общая характеристика иосифлян как представителей официального направления сохраняет свою силу, а мысль о бесплодности всяких оп-

⁹⁸ История СССР, т. I, М., 1956, гл. VIII, §§ 1 и 3; История русской литературы. Учебник для вузов, гл. V, §§ 2 и 3; АИРЛ, гл. II, разд. 1; гл. VI, разд. 2.

⁹⁹ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века, гл. 2 и 3.

¹⁰⁰ Там же, стр. 298—299.

¹⁰¹ АИРЛ, стр. 310.

¹⁰² И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века, стр. 100.

¹⁰³ А. С. Орлов. Древняя русская литература, стр. 244; И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века, стр. 78; Очерки истории СССР. Период феодализма конца XV—начала XVII в., стр. 175; Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, стр. 278 и др.

¹⁰⁴ А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого, стр. 169.

¹⁰⁵ История философии, т. I, М., 1957, стр. 271. Ср.: Очерки по истории философской и общественно-политической мысли..., т. I, стр. 41.